

Габриэлла Пирс
Парк-авеню, 665
Серия «Парк-авеню, 665», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7002277
Парк-авеню, 665: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-083302-3

Аннотация

Джейн Бойл была обычной девушкой, пока не встретила обворожительного американца по имени Малкольм Доран. Спустя месяц знакомства мужчина делает ей предложение, и она, бросив перспективную работу, друзей и полюбившийся Париж, отправляется в Нью-Йорк, чтобы начать новую жизнь в роскошном особняке на Парк-авеню.

Но перед самым отъездом Джейн ее любимая бабушка умирает, оставив внучке прощальное письмо, в котором говорится, что она – потомственная ведьма и ей грозит опасность.

Джейн готовится к свадьбе, с горем пополам пытаясь совладать с магическими способностями и со своей будущей свекровью Линн Доран. Вскоре молодая ведьма узнает страшные секреты своей новой семьи и начинает понимать, о какой опасности ее предостерегала бабушка...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	38
Глава 12	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Габриэлла Пирс Парк-авеню, 665

Copyright © 2011 by Alloy Entertainment. All rights reserved.

© Фельдман Е., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Глава 1

– Ну-ка, повертись.

Джейн Бойл послушно закружилась на месте, и юбка взметнулась возле ее ног ослепительным пожаром из зеленого шелка. Девушка вытянула шею, пытаясь разглядеть свое отражение в узком зеркале бутика, но понять, как она выглядит сзади, можно было только одним способом – непрестанно вертясь наподобие изумрудного фламинго. Вот поэтому, подумала она, и следует ходить по магазинам с друзьями. Особенно если цель покупки – произвести впечатление на мужчину, который даже не скрывает, что является большим любителем задних видов. Поиски подходящего платья лишили Джейн не одного обеденного часа на этой неделе, прежде чем к четвергу она наконец признала, что нуждается в помощи эксперта.

К счастью, в «Ателье Антуан» – фирме эксклюзивного архитектурного дизайнера, где Джейн проработала последние два года, – также работала Элоди Дессе, мастер шопинга наивысшего разряда. Элоди отнеслась к намечающемуся роману подруги с таким же энтузиазмом, с которым обычно бралась за поиски Идеальных Босоножек с кристаллами Сваровски. Теперь она с видом знатока восседала на высоком стуле в примерочной *tres chic* и *tres cher*¹ бутика «Шелк и вино» и легкомысленно болтала длинными загорелыми ногами. Джейн вопросительно подняла бровь.

Помолчав, Элоди покачала головой.

– Оно *слишком* зеленое, – беспощадно заявила она со своим очаровательным французским акцентом и сунула подруге следующее платье – футляр бледно-лилового цвета.

– Я в нем замерзну, – проворчала Джейн и уже было собралась отложить платье в сторону, как вдруг заметила стальной отблеск в кофейных глазах Элоди. – А что, больше ничего нет?

Та решительно кивнула, тряхнув копной кудрявых черных волос. Джейн вернулась в отделанную золотом и мрамором примерочную. Из зеркала в витой раме на нее смотрело ее собственное растерянное отражение. На самом деле это была идея Элоди – пройтись по фешенебельным бутикам прямо у знаменитых Елисейских Полей. «Качество видно сразу», – заявляла подруга с такой уверенностью, что Джейн мало-помалу позволила себя уговорить. Тем более что Элоди в своем пальто из верблюжьей шерсти и замшевых туфлях *Laçtoix* уж точно выглядела на миллион долларов.

Недостаток плана обнаружился почти сразу: Джейн могла позволить себе только вещи из прошлогодних коллекций – впрочем, в некоторых магазинах, куда ее затащила Элоди, и они были ей не по карману. Это влекло за собой неприятные последствия: на улице стояла середина декабря, а Джейн почему-то не воодушевляла мысль разгуливать по морозу в полупрозрачном платье на бретельках, которое могло сравниться по плотности с папиросной бумагой.

«Ну что ж, по крайней мере, в нем я буду соответствовать Малкольму», – безжалостно сказала она себе, просовывая голову в ворот платья – кажется, уже с того по счету. Мысль о Малкольме тут же обдала жаром ее щеки – и некоторые другие части тела тоже.

Месяц назад Малкольм Доран выбил почву у нее из-под ног – причем в буквальном смысле, – когда они встретились на антикварном аукционе возле треснутой вазы пятого века. Джейн выискивала лакомые кусочки для своего первого личного клиента, мадам Гоудино, а Малкольм намеревался пополнить и без того огромную коллекцию живописи. Джейн потребовался всего один взгляд на этого высокого широкоплечего мужчину с русыми волосами и губами, словно созданными для поцелуев; влечение было мгновенным и непреодоли-

¹ Очень роскошного и очень дорогого (*фр.*).

мым. После аукциона Джейн задержалась на пронизывающем зимнем ветру, чтобы выкурить сигарету и, возможно, еще раз украдкой взглянуть на него. Сделав всего пару затяжек, пустившаяся было в наивные мечтания Джейн строго велела себе спуститься с небес на землю. И акцент, и визитная карточка Малкольма говорили об одном: он американец. Зачем бы он ни приехал во Францию – по делам или для развлечения, – надолго он здесь не задержится. А нужен ли ей случайный флирт?

Девушка кинула едва начатую сигарету на бульжную мостовую и с такой силой принялась давить ее черным сапожком Carel, словно хотела вместе с окурком растоптать и свое едва вспыхнувшее чувство. И тут каблук-шпилька хрустнул и сломался. Джейн пошатнулась, уже собираясь предельно неграциозно приземлиться на мостовую, как вдруг рядом возник Малкольм – златовласый, мускулистый, источающий какой-то восхитительный аромат – и спас ее от падения. Его темные глаза блеснули в свете лампы, но, разумеется, он был слишком галантен, чтобы открыто рассмеяться над неловкостью дамы.

– Моя машина припаркована в двух шагах, – произнес он завораживающим тягучим голосом, напомнившим Джейн кошачье урчание, и указал в конец улицы. – И я решительно намерен доставить вас домой – хотя бы в интересах безопасности других пешеходов.

Прежде чем девушка осознала происходящее, он с легкостью подхватил ее на руки и донес до дверей лимузина. А через пару минут она уже сидела в теплом, отделанном кожей салоне, и Малкольм протягивал ей бокал шампанского.

Элоди просунула голову в примерочную, и черные кудри взметнулись, словно пружинки.

– Выглядишь шикарно, – проворковала она. Джейн неохотно вернулась в суровую реальность, наполненную платьицами на рыбьем меху, заоблачными ценниками и неприветливыми продавщицами. Кассирша с первого взгляда определила, что Джейн не относится к ее обычной клиентуре, а потому даже не оторвалась от телефонного разговора, когда подруги переступили порог бутика. – Твой сексуальный американец не успеет понять, что стало причиной инфаркта.

– Хорошо бы, – призналась Джейн. – Тогда мы с ним будем квиты.

Разумеется, она не была новичком по части свиданий. В Париже невозможно быть фигуристой блондинкой двадцати четырех лет от роду и не получать пару миллионов приглашений от мужчин в день. Но до встречи с Малкольмом она даже не подозревала, что люди вкладывают в слово «химия». Сам воздух, который его окружал, казался обжигающим и пьянящим. Джейн дышала им – и не могла насытиться. Ее решение держать безопасную дистанцию пошло прахом уже через две минуты поездки в лимузине; та же судьба вскоре постигла решение держать *хоть какую-нибудь* дистанцию.

...А потом она осталась стоять на тротуаре, лимузин пару раз мигнул красными огнями и исчез за углом. Уличный фонарь погас, театрально выбросив сноп искр. Эта картина как нельзя лучше иллюстрировала расстроенные чувства Джейн.

«Интересно, что стало бы с городской электросетью, если бы мы не провели все последующие ночи вместе», – мрачно подумала девушка. У нее всегда были сложные отношения с техникой: лампы при ее приближении начинали мигать, компьютеры зависали, ксероксы принимались плевать обрывками зажеванной бумаги, а поезда метро ломались именно тогда, когда Джейн куда-нибудь страшно торопилась. К счастью, роман с Малкольмом оказался абсолютно безоблачным. В течение трех недель они только и делали, что ели (по необходимости), спали (изредка) и более или менее непрерывно занимались любовью. Наконец Малкольм с сожалением объявил о неизбежной деловой поездке в Италию. Но сегодня он возвращался и предложил по этому поводу не набрасываться друг на друга, как обычно, а проявить выдержку и устроить хоть одно полноценное свидание. Для которого, разумеется, требовалось приличное платье.

Джейн вышла из примерочной, чтобы посмотреться в большое зеркало в зале, и хмуро взглянула на отороченный вышивкой подол.

– Это платье такое *прошлогоднее*, что смотреть больно.

Из-за прилавка донесся будто бы случайный смешок продавщицы – тощей блондинки лет тридцати пяти. Она сразу понизила голос – разговор явно шел о покупательницах, стесненных в средствах. Джейн залилась румянцем – и тут же мысленно отвесила себе за это подзатыльник.

– Мужчины не обращают внимания на такие мелочи, – неубедительно утешала ее Элоди. Что ж, возможно, парни Элоди и не отличались особым вкусом, но Малкольм был не из таких.

Малкольм был очень богат, хотя и никогда не заострял на этом внимания. Единственный отпрыск состоятельного семейства с Манхэттена, он торговал произведениями искусства по велению сердца, а не из необходимости. Его машина, пальто, голос, костюмы – абсолютно всё в нем просто вопило о недостатке и происхождении, которые сироте из французской глубинки было трудно даже себе представить. Джейн понимала, что у нее нет шансов выглядеть на одном уровне с Малкольмом, но она хотя бы могла одеться так, чтобы не опозориться.

Девушка потеряла вышивку на подоле. *Наверное.*

– Черное было ничего, – напомнила Элоди, сжимая невыносимо скучное, но приемлемое по цене платье без бретелек и с невыразительным шелковым цветком на талии.

Раздался щелчок: продавщица наконец положила трубку.

– Прошу прощения, мадемуазель, – внезапно произнесла она по-английски с сильным акцентом, чем немало удивила Джейн. До этого момента девушке казалось, что та вовсе не замечает клиентов, всецело поглощенная сплетнями по телефону. Выходит, она прислушивалась к их разговору? Дома Джейн всегда говорила по-английски с бабушкой, урожденной американкой, а Элоди была дочерью британского посла – так что подружки не упускали случая поболтать на этом языке. То, что окружающие нередко принимали их за туристок, девушек не смущало.

Продавщица кивнула в сторону складского помещения.

– Полагаю, в нашей новой коллекции найдется то, что вам нужно. Правда, оно еще не поступило в продажу, но в порядке исключения... – и рука с длинными ногтями описала в воздухе замысловатую дугу.

У Джейн упало сердце: возможно, там и правда есть прекрасное платье, но ей и подумать было страшно, в какую сумму это выльется...

– Спасибо за предложение, – медленно начала она, чувствуя, как снова заливается румянцем, – но я просто... Просто... – и девушка запнулась, не в силах придумать подходящую отговорку. Элоди красноречиво помахала ей со стула черным платьем.

– Звонил месье Доран, – поспешно добавила продавщица, и у Джейн перехватило дыхание. *Малкольм.* – Это же вы мадемуазель Бойл, верно? Месье Доран велел записать на его счет любые ваши покупки. Любые. Поверьте, вам понравится наша новая коллекция, – и, расплывшись в радушной улыбке, она процокала на склад.

– Он еще и щедрый, – вздохнула Элоди, оборачивая вокруг шеи шарф цвета божоле и поджимая губы перед зеркалом. – Стала бы я тратить свои лучшие годы на французских парней, если бы знала, что от такого мужчины меня отделяет всего один ма-аленький океан!

Джейн не успела придумать достойный ответ: продавщица вернулась, неся вешалку с умопомрачительным платьем из сапфирового шифона. Девушка тихо охнула. Плиссировка корсажа элегантно подчеркивала глубокое V-образное декольте, а складки длинной юбки ниспадали волнами до самого пола. Платье было сногшибательным.

Внезапно из кассового аппарата с громким звоном сам по себе выдвинулся ящик. Все трое подпрыгнули от неожиданности.

– Cette fichue chose; c'est la quatrieme fois...² – и продавщица метнулась к неисправной машине, оставив Джейн с охапкой нежнейшего шифона, который стоил, как ее месячная зарплата.

– Примерь, – взволнованно прошептала Элоди, и Джейн чуть не бегом бросилась в примерочную.

² Вот дурацкая штукавина, уже в четвертый раз... (фр.)

Глава 2

К вечеру Джейн окончательно растеряла уверенность в себе. Кажется, она перечитала адрес на карточке не меньше тысячи раз, прежде чем поборолла сомнения и все-таки вышла из такси на авеню Монтень, 25.

Слава богу, хоть одета подобающе...

Девушка глубоко вдохнула влажный зимний воздух и улыбнулась швейцару в форме, который тут же почтительно проводил ее в вестибюль знаменитого пятизвездочного отеля «Plaza Athénée». Зал представлял собой роскошную смесь мрамора, бархата и хрусталя, от которого так рябило в глазах, что Джейн на секунду захотелось снова оказаться в своей квартире-студии с примитивной планировкой и простейшим освещением.

Чтобы побороть внезапный приступ паники, девушка задержалась перед зеркалом в вестибюле. Ее светлые волосы были собраны в низкий свободный узел, на лице – минимум косметики. Широко распахнутые серые глаза казались воплощением невинности. Синий шифон как нельзя лучше их оттенял – впрочем, не забывая искушать случайного зрителя многозначительным вырезом. Джейн выглядела сексуально, но элегантно – как будто и правда принадлежала к местному обществу.

К этой мысли примешивалась нотка тщеславия, потому что прямо за спиной у отражения Джейн стоял Малкольм, любясь тем, как она любит себя собой. Великолепно.

Девушка обернулась и приникла губами к его губам, секунду назад изогнутым в довольной улыбке. А она и забыла, как чудесно он пахнет! От Малкольма исходил аромат шампанского, смешанного с пряностями. Один вдох, и Джейн почувствовала себя опьяненной.

– Так бы тебя и съел, – шепнул он ей на ухо, выпуская ее из своих объятий, и Джейн едва сдержалась, чтобы не предложить ему пропустить ужин и сразу перейти к воплощению этой идеи.

Настоящее свидание. Как у нормальных людей. На стульях.

Малкольм словно прочитал ее мысли – по крайней мере, их вторую, менее пикантную часть, – потому что немедленно взял Джейн за руку и направился в ресторан. Девушка осторожно опустилась на предложенный стул с сиденьем из белого шелка и тут же принялась поправлять бесчисленные складки на подоле в тщетных попытках не помять платье.

– Господи, как я по тебе соскучился, – проурчал Малкольм, и шифон совершенно вылетел у Джейн из головы. Свеча между ними задрожала, и в его темных глазах на мгновение вспыхнули оранжевые искры. – Это были самые длинные шесть дней в моей жизни.

– Я тоже соскучилась, – ответила Джейн с нежностью, и это было правдой. То, что происходило с ней в присутствии Малкольма, не поддавалось разумному объяснению, но все ее тело словно начинало вибрировать, стремясь к нему. При этом разум оставался совершенно спокоен – будто отступал на шаг, позволяя взять верх инстинктам. Джейн порадовалась, что их столик находится в дальнем углу зала: она бы точно не смогла насладиться ужином в толпе людей, когда нельзя сказать или сделать что-нибудь интимное.

– Сегодня мне привезли вазу с аукциона, – непринужденно сообщил Малкольм, растопив на коленях кремовую салфетку. Джейн механически улыбнулась. Ну конечно, светский разговор – то, что нужно, чтобы снять напряжение. Подыгрывать не составит труда.

– Так скоро? – поддразнила она мужчину. Помнится, их первая беседа тоже была посвящена любви Малкольма к пыльным черепкам. – Дай угадаю: поставишь в какой-нибудь укромный уголок, чтобы никто ее случайно не уронил, и будешь хвастаться перед друзьями, что твой фарфор на два века старше, чем их?

Он рассмеялся.

– А я-то думал, что французское посольство выдает визы только фанатикам антиквариата. Боже мой, мы сидим в окружении людей, которые не меняли правила дорожного движения с тех самых пор, как пересели с лошади в телегу! Как тебя с такими революционными взглядами вообще пропустили через границу?

– У меня был взгляд сущего младенца, – ответила Джейн. На втором свидании (которое, впрочем, завершилось сразу же, как только они добрались до ее крохотного кухонного столика) девушка призналась, что до сих пор является американской гражданкой – хотя с десяти месяцев живет с бабушкой во Франции.

Рядом возник официант в белом пиджаке и поставил на стол пару бокалов шампанского и две маленькие стеклянные чашки с муссом из редиса и карамелизованным луком-пореєм.

Джейн недоверчиво подняла бровь. Несмотря на аппетитный запах, содержимое чашек больше напоминало пену для бритья.

– Эльзасцы никогда бы не взяли такое в рот. Мусс – исключительно парижское жеманство, – пошутила девушка, когда официант удалился.

Малкольм пригубил пенящееся шампанское.

– Расскажи о своей ферме.

– Ты имеешь в виду мой личный исправительный лагерь для малолетних преступников? – Джейн постучала зубцами вилки по нижней губе, и взгляд мужчины тут же дернулся следом. – Поверь, тебе не хочется этого знать.

– Я хочу знать о тебе все.

Их мыски соприкоснулись под столом, и девушка ощутила, как дрожь, зародившаяся в пальцах ног с перламутровым педикюром, пробежала вверх по позвоночнику. В голове Джейн промелькнула мысль о роскошных номерах – и ей пришлось буквально вцепиться в обивку стула, чтобы тут же не потащить Малкольма наверх. Впрочем, в этом и был смысл вечера: выдержать хотя бы одну светскую беседу, перед тем как нырнуть в кровать.

– Ну, у бабушки есть забитое всякими припасами бомбоубежище, – призналась Джейн с кривой усмешкой. В желудке уже начинало разливаться приятное тепло шампанского. Шесть лет, проведенные вдали от родного дома, научили ее относиться к своему необычному воспитанию с юмором – но лишь до тех пор, пока ей не приходилось углубляться в детские воспоминания. – Она считала, что мы рано или поздно попадем в осаду.

Малкольм засмеялся.

– Это похоже на какую-то навязчивую идею.

Девушка улыбнулась и сделала еще глоток шампанского. У бабушки было полно навязчивых идей, но на то были свои причины. Бабушкина дочь, мама Джейн, разбилась вместе с мужем в аварии в Северной Каролине, когда девочке едва исполнилось десять месяцев. Бабушка так боялась потерять еще и внучку, что забрала ее к себе в маленькую французскую деревушку и не спускала с нее глаз, а когда сама не могла присмотреть за девочкой, поручала это своему верному псу по кличке Дружок.

– Она... хотела меня защитить.

Из невидимых колонок послышались тихие звуки Моцарта, и бессловесный официант вновь наполнил бокал Джейн.

– Что ж, думаю, в этом мы с ней похожи, – сказал Малкольм. Парочка через несколько столиков от них уже вовсю уминала свежий хлеб с козьим сыром. – А как твоя бабушка относится к антиквариату? – не удержался он от ехидства, забавно изогнув бровь.

Джейн улыбнулась.

– У нее кошмарный вкус – даже хуже, чем у вас, Мистер Образцовый-Французский-Антиквар! Она обожает китайские настенные тарелки и вообще все большое, тяжелое и с цветочными узорами. При этом она не может развесить свои безделушки и унылые картины так, чтобы они не угрожали ее жизни. Они то и дело соскальзывали, падали и разбива-

лись, а виноватой почему-то оказывалась я. И неважно, сидела я в это время у себя в комнате или гуляла во дворе – бабушка была уверена, что я постоянно ошиваюсь где-то поблизости и втихаря бью ее сувенирные тарелки. Хотя знаешь что? Если ненависть способна разрушать вещи, то все эти разбитые тарелки на моей совести. Обычно я смотрела на эту безвкусицу с такой злостью, что она просто не могла не свалиться.

– Да это талант, – заметил Малкольм с каким-то странным выражением в глазах.

– А разве нет? Я могла бы менять интерьеры и пальцем не пошевелив, – и Джейн со смехом продемонстрировала покрашенный ноготь. – Это сильно облегчило бы мою работу! Я сбилась с ног в поисках светильников и кресел для мадам Годино. Не представляю, как она собирается уместить все это в одной квартире. Я бы с радостью избавилась от пары журнальных столиков и шестиместного дивана, не оставив при этом отпечатков пальцев.

Малкольм подался вперед. От решимости, внезапно прорезавшейся в его взгляде, у Джейн перехватило дыхание.

– Ты удивительная. Ты об этом знаешь? – он протянул руку через стол и сжал ее ладонь. – Я хотел дождаться более подходящего момента, но... – и он умолк, сокрушенно качая головой.

Сердце Джейн бешено забилося. Кожа горела от прикосновения Малкольма.

– Джейн, я всегда верил, что сразу пойму, когда встречу свою единственную.

Она огляделась по сторонам: ей казалось, что весь зал слышит, как колотится ее сердце.

– Я в принципе нетерпеливый человек, – продолжал мужчина. – Для меня и месяц – слишком много.

С этими словами он поставил на стол между ними коробочку, обитую темно-синим бархатом, и дал девушке время ровно на один долгий взгляд, прежде чем откинуть крышку. Бриллиант изумрудной огранки весом не меньше пяти карат ослепительно вспыхнул в пламени свечей.

– Джейн, – продолжил Малкольм, и в этом слове слышалась настоящая страсть. – Ты – моя единственная. Я больше не хочу расставаться с тобой ни на один день, и я не намерен ждать. Пожалуйста, – добавил он, хотя в его голосе не было и тени мольбы, – пожалуйста, скажи, что станешь моей женой.

Зал поплыл у Джейн перед глазами. Сердце билось где-то в горле, щеки пылали, словно она оказалась в центре пожара. Выйти за Малкольма означало оставить Францию: работу в «Ателье Антуан», любимую студию в пятом округе, где с пожарной лестницы виден Нотр-Дам, своих друзей и всю свою прежнюю жизнь.

Выбор оказался легким.

– Да. Конечно, да, – и она протянула Малкольму руку. Кольцо пришлось точно впору.

Глава 3

Джейн еще глубже погрузилась в воду, чувствуя, как пузырьки пены щекочут ключицы. Затем подняла руку над бортиком ванны и чуть повернула ее: кольцо сверкало даже в приглушенном свете гостиничной лампы. Джейн никак не могла поверить, что события минувшего вечера – правда. С одной стороны, об этом свидетельствовал и пылающий на пальце бриллиант, и то, что прямо сейчас она нежилась в роскошной мраморной ванне перед огромным окном с видом на Эйфелеву башню. С другой стороны, стоило Малкольму уйти за мороженым с подсоленной карамелью – любимым лакомством Джейн, – как ее охватило чувство нереальности происходящего.

Девушка то и дело поглядывала на дверь. Конечно, для возвращения Малкольма слишком рано. Она вообще не хотела, чтобы он уходил – для чего тогда отель держит прислугу? – но мужчина был непреклонен. Заявление, что ходить за карамельным мороженым – святая обязанность женихов, совершенно обезоружило Джейн, которая впервые оказалась в статусе невесты и так и не смогла придумать убедительного аргумента.

От воды поднимались завитки пара, на крышу соседнего дома села ворона. Джейн засомневалась было, не слишком ли быстро она привыкла к стилю жизни Малкольма – жизни на широкую ногу, с консьержами и пентхаусами, – но тут же вдохнула горячий пар и выбросила эти мысли из головы. А почему бы и не привыкать? Теперь это стиль и ее жизни.

Конечно, надо будет подобрать кое-какие хвосты. Освободить съемную квартиру, попрощаться с друзьями... Джейн быстро перебрала в уме рабочие проекты – все в разной степени готовности. И первый личный клиент – подумала она с легким сожалением. Но она была по-настоящему одаренным архитектором, а Нью-Йорк – отличное место для нового витка карьеры... Особенно учитывая связи ее будущей семьи. «У меня будет семья», – счастливо подумала Джейн и пошевелила пальцами ног, глядя на расходящуюся рябь.

Она чувствовала себя одинокой, даже когда жила с бабушкой. Конечно, Ба любила ее – но в понимании старушки «любить» по большей части означало «волноваться». Когда замкнутые эльзасские жители предлагали Джейн дружбу, ей не позволялось гулять с ними без присмотра. Джейн не разрешалось даже одной ходить в деревянную школу в центре деревушки, а если она задерживалась на рынке на пять минут дольше обычного, Ба тут же прибегала проверить, все ли с ней в порядке. Бабушка не хотела – или не могла – объяснить внучке, чем так опасен большой мир, но это ее стремление оградить Джейн от любых контактов с ним возвело между ними прочную стену, которая с годами становилась только выше. Девушка покинула серый деревенский домик у подножия холма в тот же день, когда получила письмо о приеме в университет – причем единственным чувством, которое она при этом испытала, было глубокое разочарование. Прошло шесть лет, и она ни разу туда не возвращалась.

Бра по периметру ванной комнаты замигали, и на стенах нарисовались тени, похожие на ветви древних деревьев. Нужно сказать Ба, что она уезжает, – подумала Джейн и тут же вздрогнула, даром что над водой клубился пар. За эти годы они обменялись всего парой коротких неловких писем – на ферме не было телефона. Пришло время навестить бабушку – она, конечно, захочет познакомиться с женихом единственной внучки. Правда, в это время года в Эльзасе так темно и холодно...

Джейн подумала, что Ба будет рада за нее – ведь все складывалось как нельзя лучше. Вряд ли бабушка будет в восторге от новости, что внучка решила переехать за океан, – она не одобрила даже ее переезд в Париж, упоминая его в письмах исключительно как «этот твой побег». И теперь Джейн не могла предположить, как старушка отреагирует на ее идею покинуть страну. Впрочем, ее главной заботой всегда была безопасность внучки, а ни одна

мать (или бабушка) не могли пожелать лучшего защитника, чем Малкольм Доран. Он был добр, внимателен, чуток и мог позаботиться о Джейн как никто другой. Помимо всех этих достоинств, он был безумно, отчаянно, по уши в нее влюблен – точно так же, как и она в него.

Джейн опустила руку в воду, и в тот же момент ее размышления прервал низкий скрежещущий звук. Хотя он был негромким – просто скрип металла по металлу, – в тишине он прозвучал очень четко и... близко. В следующую секунду бра вспыхнули и погасли. Вода выплеснулась за край ванны, и лунный свет, падавший в комнату через огромное окно, сделал ее такой же серой и холодной, как эльзасский пейзаж в середине зимы. Джейн замерла, слушая стук своего сердца, а потом заметила, что под дверью тоже темно. Значит, свет почему-то погас во всем номере.

Затем снова раздался шум – сначала тихий, а потом все громче и ближе. По ковру отчетливо простучали чьи-то ботинки.

В номере кто-то был.

Страх тугим комком застрял в горле Джейн. Это не мог быть Малкольм. Он ушел меньше десяти минут назад. Девушка едва успела подумать, открывается ли панорамное окно, как дверная ручка повернулась и на пороге, за которым стояла непроглядная темнота, возникла отчетливая тень. И у нее были очертания высокой мужской фигуры.

Джейн вскрикнула и попыталась встать, но ослабевшие от страха ноги только беспомощно скользили по дну ванны. Едва приподнявшись, она снова упала в воду, больно ударившись локтем и выплеснув на пол целую мыльную волну.

– Джейн?

Она замерла.

Ночная подсветка Эйфелевой башни озарила темное небо – и лицо вошедшего.

– Малкольм, как ты меня напугал! – Джейн судорожно вздохнула и потеряла ноющий локоть, чувствуя себя ужасно глупо. – Я не думала, что ты вернешься так скоро.

– Я так и понял, – усмехнулся он. – Стоило мне войти, как пропало электричество. Неудивительно, что ты испугалась.

И мужчина подал ей руку, помогая подняться. Другой рукой он сжимал контейнер с мороженым, покрытый инеем.

– Видишь? Нечего бояться, – сказал он мягко. Стоило Джейн оказаться в его объятиях, как дрожь утихла, словно не бывало.

– Ну, вообще-то... Есть кое-что, – прошептала она, прижавшись щекой к его груди. У нее перед глазами стоял серый неуютный свет, наполнивший комнату перед появлением Малкольма.

Мужчина резко отстранился.

– Что-то случилось? Ты поранилась?

Ее сердце растаяло от такой трогательной заботы.

– Нет-нет, ничего такого, – поспешно заверила она. – Просто я подумала, что хотела бы увидеть бабушку, прежде чем мы уедем из Франции. Мне бы очень хотелось вас познакомиться.

Джейн подняла руку и продемонстрировала кольцо. Бриллиант отразил подсветку Эйфелевой башни, и по комнате брызнули веселые голубые искры.

Девушка думала, что эти слова совершенно успокоят Малкольма, но он оставался все в той же напряженной позе: ладони крепко сжимают ее талию, лоб пересекает морщина глубокой тревоги. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем он убедился, что Джейн невердима, и наконец расслабился.

– Конечно, – быстро сказал он. – Съездим к ней на Рождество, если хочешь.

С этими словами он поцеловал ее в губы и нежно провел пальцами по скользкой, влажной груди. Девушка издала тихий стон.

– По-моему, на мне многовато одежды, – улыбнулся он, прижавшись к ее щеке.

Джейн ловко расстегнула пуговицы на его рубашке. Затем на пол спланировали идеально отутюженные черные брюки. Девушка прижалась губами к загорелому торсу Малкольма и вдохнула пряный аромат его кожи с такой жадностью, с какой ловят воздух утопающие. «Может, мне и *стоит бояться*, – подсказала ей крохотная часть сознания. – Это *ненормально*».

Однако в следующее мгновение его пальцы умело пробежались по ее телу, она ощутила его твердость – и отвечающая за мыслительный процесс часть ее мозга полностью отключилась. Малкольм с хищной улыбкой приподнял ее за бедра и усадил на тумбочку рядом с раковиной. Джейн обвила ногами его талию и, впившись ногтями в спину, толчками подавалась вперед, помогая войти глубже. Малкольм уперся одной рукой в зеркало, а другой ласкал девушку, пока они не слились в одновременном экстазе.

Свет снова зажегся, когда Малкольм отнес Джейн в постель и нежно поцеловал ушибленный локоть. Казалось, загорелись все лампы в номере разом – даже те, которые она не включала. Но тут Малкольм щелкнул выключателем – и Джейн уснула, едва в комнате воцарилась темнота.

Глава 4

– Знаешь, я никогда не видела тебя за рулем, – заметила Джейн, когда Малкольм скользнул за руль арендованного автомобиля. Был канун Рождества, и их самолет приземлился в Страсбурге раньше графика. Сверху дороги казались идеально пустыми. Впрочем, если Малкольм водит так же неуверенно, как чувствует себя на водительском сиденье, это им не поможет. – Ты точно не хочешь пустить меня за руль?

– Не глупи, – отмахнулся мужчина, вертя в руках связку ключей. – Если я пользуюсь услугами личного шофера – или трех, – это не значит, что я... – И он с подозрением уставился на рычаг. – Тут что, ручная коробка передач?

– Ну-ка,пусти меня, – засмеялась Джейн и, подтолкнув жениха в плечо, подобрала полы серого приталенного пальто. Как только он пересел на пассажирское сиденье (от девушки не укрылось мимолетное выражение досады), Джейн завела машину и ловко направила ее к выезду с парковки.

– Тут ехать добрых два часа, – пояснила она с чувством легкого головокружения, будто по всем нервным окончаниям пустили низковольтный ток.

– Ты в порядке? – спросил Малкольм, защелкнув ремень безопасности и дергая его для проверки. – Ты сама не своя еще с тех пор, как мы сели в самолет.

«Хотела бы я знать», – подумала Джейн, пытаясь унять дрожь.

– Понимаешь, когда я отсюда уезжала, я не собиралась возвращаться.

– Я думал, это «милая французская деревушка», – заметил Малкольм. – Что уж такого страшного в ней может быть?

Джейн натужно засмеялась. Смех получился высоким и нервным.

– Вот почему я не встречаюсь с американцами. Вы все считаете, что Европа – это такой большой парк с аттракционами. Да, пока вы можете вернуться в свои стеклянные небоскребы с бесперебойной подачей горячей воды, Франция просто очаровательна.

Малкольм недоверчиво поднял бровь.

– Так ты недолюбливаешь малую родину из соображений архитектуры?

– Конечно! Но, разумеется, не только поэтому. У нас с бабушкой... сложные отношения.

Джейн нахмурилась и резко выехала на встречную полосу, чтобы обогнать еле ползущий грузовик. Что и говорить, слово «сложные» не исчерпывало годы их противостояния с Ба, но теперь эта страница ее жизни была перевернута. Сейчас ее занимало только будущее с Малкольмом. *Это просто нужно сделать. Один маленький визит вежливости, и мы сможем отправиться домой...*

– Что ж, у меня тоже есть пара историй про сложные отношения в семье, – откликнулся мужчина, прерывая ее размышления.

– Серьезно? Твоя мать когда-нибудь прогоняла соседских детей метлой или орала после того, как тайком прочитала твой дневник?

Однажды не по годам развитая и умирающая со скуки девятилетняя Джейн решила развлечься, выдумав запретную страсть между их соседом месье Дюпюи (тощим мужчиной с длиннющей черной бородой) и женой мясника мадам Фушо (дородной румяной дамой, которая, казалось, даже спала с мясницким ножом в руках). Каждый раз, видя их вместе, она воображала, что они обмениваются тайными знаками. Например, сосед говорил: «Мне полкило», – а Джейн слышалось: «Приходите ко мне в шесть, и я вновь завоюю вашу крепость, моя душечка». Если же мадам Фушо переспрашивала: «Столько?», Джейн была уверена, что это означает: «Давайте лучше в семь».